

М. А. БАРГ

О КОНЦЕПЦИИ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII в. В РАБОТАХ Х. ТРЕВОРА-РОПЕРА

Профессор Оксфордского университета Х. Тревор-Ропер выступил в последние годы в качестве историка и интерпретатора английской революции 40-х годов XVII в. Он обратил на себя внимание научной общественности пока что не столько фундаментальностью своих трудов, посвященных этой теме, сколько попыткой сформулировать собственную концепцию событий «великого мятежа». Она изложена им в трех очерках, опубликованных в различных научных изданиях¹.

Дополняя друг друга и развивая ряд исходных положений автора, эти работы в совокупности отражают, на наш взгляд, точку зрения, несостоятельную в научном отношении.

Критика этой точки зрения необходима, во-первых, потому, что внешне речь идет не о простом повторении или модификации одной из тех буржуазных интерпретаций революции 40-х годов XVII в., которыми столь богата английская историография; свою концепцию Тревор-Ропер считает совершенно «новой и оригинальной»², в действительности она таковой не является. Во-вторых, потому, что трактовка, даваемая Тревором-Ропером, основана в значительной мере на идеях и методах весьма модной сейчас в Англии «школы Нэмира», и выяснение подлинного смысла концепции Тревор-Ропера небезынтересно для раскрытия классовой сущности и целенаправленности этой школы вообще. Наконец, опровержение «новой концепции» английской революции важно потому, что Тревор-Ропер, сочетающий обширные познания с несомненным публицистическим талантом, излагает свои более чем спорные взгляды внешне весьма убедительно, как будто речь идет об очевидных и неопровержимых фактах, которых почему-то не замечали или не желали заметить его предшественники.

Концепция Тревор-Ропера рассматривается им самим, как своего рода реакция на интерпретацию характера событий 40-х годов XVII в. исследователями «школы Тоуни» (R. H. Tawney), к которой Тревор-Ропер, как ни странно, причисляет, с одной стороны, историков-марксистов, с другой — историков-католиков. В трактовке Тоуни, превратившейся, по словам Тревор-Ропера, «в общепринятую догму», для последнего неприемлемо все: и характеристика общего направления экономического развития Англии в XVII в., и анализ расстановки классовых сил в стране, и истолкование пуританизма, как идеологии капитализма, и т. д. и т. п. Но главное, чему Тревор-Ропер объявил беспощадную войну, — это тезис о буржуазном характере английской революции, о том, что она была вызвана неразрешимым конфликтом между развитием элементов капитализма в английской экономике и феодально-абсолютистской политикой монархии Стюартов, что сама революция означала переворот, который возглавила буржуазия и буржуазное в своей социально-экономической сущ-

¹ H. R. Trevor-Roper. The Gentry 1540—1640. — The Economic History Review Supplements. 1. London, s. a.; его же. Oliver Cromwell and his Parliaments. In: «Essays Presented to Sir Lewis Namier». London, 1956; его же. La révolution anglaise de Cromwell. — «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations» (далее — «Annales»), 1955, № 3.

² Последний очерк Тревор-Ропера имеет характерный подзаголовок — «Une nouvelle interprétation».

ности новое дворянство, и что их победа означала победу нового буржуазного политического строя над старой феодальной монархией.

По мнению Тревор-Ропера, английская революция не имела ничего общего с буржуазным переворотом. «Я не думаю,— пишет он,— что «капитализм» (обратим внимание на эти кавычки! — М. Б.) сыграл большую роль в революции»³. И в доказательство Тревор-Ропер ссылается на пример Лондона. Он утверждает, что основное средоточие буржуазии — лондонское Сити — было к 1640 г. настроено роялистски. Единственной активной силой в политических событиях 40-х годов XVII в. являлось джентри; но это вовсе не тот передовой общественный класс — носитель буржуазного переворота в английской деревне XVI—XVII вв., — который принято считать новым дворянством, а сословие отсталых провинциальных помещиков — сквайров. По мнению автора, их идеалы меньше всего могут быть названы революционными⁴.

Таким образом, согласно «новой концепции», события, разыгравшиеся в Англии в течение 40-х годов XVII в. (1640—1649 гг.), вовсе не революция, преследующая «рационально поставленные цели» переустройства общества на новой основе. Нельзя также говорить об этих событиях, как о «буржуазной революции»; это будто бы — лишь «слепой бунт» (*une rébellion aveugle*) отсталого провинциального джентри (*hobereaux de province*)⁵, недисциплинированных, обедневших дворянчиков (подобных испанским идалго), поднявшихся на борьбу ввиду отсутствия у них «политического смысла» и вследствие экономического кризиса, который сверг их в бедность. Идеалы, за которые сражались эти люди, находились вовсе не впереди, а позади, они всего меньше затрагивали «традиционную английскую конституцию», какой им представлялась... монархия Тюдоров. В своей слепой ненависти к вероломным Стюартам «дворянчики» зашли гораздо дальше, чем этого желали их парламентские вожди, превратившие их в действительную политическую силу. Они казнили короля, уничтожили палату лордов, разогнали «охвостье» Долгого парламента — и все это только потому, что оказались, так сказать, без руля и ветрил. Недаром Кромвель говорил, что «дальше всего заходит тот, кто не знает, куда идет». Даже казнив короля, они оставались все же горячими приверженцами старой династии и, разгоняя парламент, сохраняли глубокую преданность традиционному парламентскому строю⁶.

В изображении Тревор-Ропера джентри — это глубоко консервативные по самой своей природе элементы английского общества, добивавшиеся условий, при которых они могли бы лишь оставаться самими собой: респектабельными сельскими сквайрами, к голосу которых чутко прислушивается в своей политике «двор». Не удивительно, полагает Тревор-Ропер, что все закончилось мирно — восстановлением на престоле Карла II Стюарта — и довольно безрезультатно: история Англии после 1660 г. будто бы началась там, где она остановилась в 1640 г.⁷ Следовательно, революция была не нужна и оказалась лишь кровавой и запутанной интермедией. Все связанные с ней изменения — крайне незначительные, впрочем, по мнению Тревор-Ропера, — могли быть достигнуты путем мирного развития, без гражданской войны и военной диктатуры.

Мы попытались, применяя, по возможности, терминологию самого Тревор-Ропера, дать представление о сущности его концепции в целом. Скажем прежде всего, что она далеко не нова, точнее — нова лишь по форме, по средствам, при помощи которых автор пытается «опровергнуть» историческую закономерность смены одной общественно-экономической формации другой (в данном случае феодализма капитализмом), отрицать, что эта смена совершается путем революционного перехода. Однако фактическая основа или, точнее, отбор исторических фактов в работах Тревор-Ропера — новы; именно потому, что его концепция может быть неискушенным читателем воспринята как «последнее слово» науки, на положениях, выдвигаемых Тревором-Ропером, следует остановиться подробно.

³ «Annales», 1955, № 3, p. 333.

⁴ H. R. Trevor-Roper. The Gentry 1540—1640.

⁵ «Annales», 1955, № 3, p. 339.

⁶ H. R. Trevor-Roper. The Gentry 1540—1640, p. 42.

⁷ «Annales», 1955, № 3, p. 339.

Рассмотрим прежде всего, как рисуются Тревору-Роперу социально-экономические и политические предпосылки «пуританской революции» XVII в.

Если исходный пункт всей его концепции заключается в отрицании буржуазного характера событий 40-х годов, то естественно было бы ожидать, что автор сделает попытку обрисовать, хотя бы в самых общих чертах, основные тенденции экономического развития Англии конца XVI — начала XVII в., доказать, что капитализм не затронул сколько-нибудь серьезно английскую экономическую жизнь.

Однако подобной попытки в упомянутых работах Тревор-Ропера нет. Автор упорно избегает хотя бы намека на постановку вопроса об экономической структуре промышленности и сельского хозяйства предреволюционной Англии. Но не решив этой самой общей и исходной задачи, нельзя убедительно ответить и на частный вопрос, на котором Тревор-Ропер сосредоточил все свое внимание: какие общественные слои представляла парламентская оппозиция вообще и будущие индепенденты в частности.

В самом деле: как подходит Тревор-Ропер к выяснению социального облика столь полюбившегося ему «провинциального джентри»? Он главным образом изощряется в критике (подчас имеющей некоторые основания) методики исследования этого вопроса в работе Тоуни «Рост дворянства»⁸. Последний попытался статистически обосновать одно из наиболее глубоких наблюдений идеологов английского дворянства времен революции о том, что причиной ее было изменение «баланса собственности» (т. е. соотношения земельной собственности) между английской знатью и короной, с одной стороны, и мелким дворянством — джентри, — с другой. Ввиду того, что со времени секуляризации монастырей XVI в. и вплоть до 1640 г. земельная собственность в Англии все интенсивнее перемещалась из рук первых в руки последнего, неизбежно должен был наступить момент, когда вслед за собственностью к мелкому дворянству должна была перейти и политическая власть в стране. Отсюда известный афоризм Гаррингтона: «Власть следует за собственностью». Заметим, что эта интерпретация событий 40-х годов напрасно представляется Тревору-Роперу столь созвучной марксистской. «Рост дворянства» в том виде, как он изображен у Тоуни, историки-марксисты находят слишком схематизированным и упрощающим социальные проблемы XVII в.

Статистика, на основе которой Тоуни пришел к заключению о росте джентри и оскудении знати и короны, весьма уязвима. Критерий, принятый Тоуни в качестве грани между знатью и джентри (наличие в 1560 г. титула пэра), более чем формален и не отражает динамики социального процесса. Немало «старых пэров», несомненно, имело такую же буржуазную закваску, как и пэры более поздней (стюартовской) генерации; с другой стороны, последние зачастую приобретали свои титулы при помощи денег, нажитых вовсе не путем капиталистического предпринимательства в земледелии. Тревор-Ропер прав, подчеркивая, что нельзя было быстро разбогатеть в XVI—XVII вв., оставаясь только землевладельцем, что в бюджете «растущего джентри» сельскохозяйственные доходы отступали перед другими, полученными в виде торговой прибыли, ростовщического процента и т. д.

Таким образом, «рост джентри», взятый сам по себе, — понятие слишком суммарное, расплывчатое. Оно не исчерпывает собой всех процессов, протекавших в данной среде (знавшей бесспорно и немало явлений оскудения и кризиса), не вскрывает социально-экономическую природу этого роста. Можно усомниться и в познавательной ценности подсчета числа проданных и купленных маноров вместо установления их реальной стоимости.

Вместе с тем в работе Тоуни мы видим попытку, пусть не всегда достаточно удачную, решения сложной проблемы путем привлечения массовых данных, т. е. на широкой фактической базе, а не основываясь лишь на родословных нескольких дворянских родов, — родословных, самих по себе очень интересных и поучительных, но в то же время малоубедительных как материал для широких обобщений.

⁸ R. H. Tawney. The Rise of the Gentry, 1558—1640. — «The Economic History Review», vol. XI, 1941, № 1.

Тревор-Ропер ровным счетом ничего не противопоставил этой методике исследования. Он не попытался даже проверить, что изменилось бы в статистике Тоуни, будь она основана на критериях, предложенных автором «новой концепции», т. е. при условии, если бы к знати были отнесены все получившие титул пэра вплоть до 1640 г. Главные усилия Тревора-Ропера направлены на то, чтобы доказать, что и в хозяйствах пэров было немало случаев расцвета, точно так же как и среди простого джентри — множество случаев оскудения и упадка. Но это было очевидно и без тех свидетельств, которые привел Тревор-Ропер. На деле задача начиналась именно там, где ее посчитал решенной Тревор-Ропер. Предстояло выяснить, какое же из двух явлений, расцвет или упадок, преобладало в среде того или иного социального слоя, а этого нельзя добиться без привлечения массовых данных, допускающих статистическую обработку. К тому же терминология, принятая историками-марксистами для характеристики английского предреволюционного дворянства: «феодалное дворянство» (знать) и «новое дворянство», неизмеримо точнее отражает интересующую нас социально-экономическую структуру этого сословия, чем все, что предлагается и Тоуни и Тревором-Ропером.

Новое дворянство — это безусловно «предприимчивое дворянство», стремившееся приспособить свое землевладение к требованиям капиталистического способа производства. «Земельные владения этого класса, — подчеркивал К. Маркс, — представляли на деле не феодальную, а буржуазную собственность»⁹. Однако напрасно Тревор-Ропер считает обязательным признаком капиталистического предпринимательства самостоятельное ведение хозяйства (максимальное расширение «домена»). Признаком приспособления к капиталистическому способу производства могло служить такое соотношение между старой, обычной, рентой (old rent), улучшенной рентой (improved rent) и коммерческой, рыночной, рентой (rack rent) в доходах того или другого лендлорда, при котором (соотношении) львиная доля принадлежала уже последним формам. Только на основе этого критерия можно отличать «отсталых сквайров» от «новых», прогрессивных, пэров «старой закваски» от пэров, явившихся по существу титулованными предпринимателями. Но для того, чтобы конкретно-исторически исследовать этот вопрос, необходимо привлечь не мемуары, не генеалогии и летописи отдельных родов, а документы манориальной отчетности (account books), рентали и описи различных владельческих комплексов.

Здесь мы приблизились к одному из важнейших для всей методики исследования Тревора-Ропера вопросов: интересует ли его вообще историческая тенденция, стремится ли он выяснить ведущие факторы изучаемого процесса и через них — историческую закономерность? К сожалению, на эти вопросы можно ответить лишь отрицательно. Все пристрастие исследователя, скрытое за внешней объективностью, вся сила его полемического таланта в действительности направлены на развенчание самой мысли о возможности обнаружить в событиях 40-х годов XVII в. какой-либо нарек на закономерный процесс. В этом пункте мы вплотную сталкиваемся с проявлением идей «школы Нэмира». Среди английских буржуазных историков Нэмир, возглавляющий ныне официальное издание парламентской истории Англии, считается открывателем новых путей в историческом исследовании. В основе его методики лежит несомненно заслуживающая внимания мысль о том, что изучение ведущих тенденций исторического процесса не может охватить и, следовательно, отразить все стороны последнего. Картина исторической действительности столь сложна и многогранна, что если историк не желает скользить по поверхности видимого, а стремится проникнуть к движущим мотивам человеческих поступков и действий, он должен тщательно изучить множество таких сторон жизни, мимо которых он зачастую проходит равнодушно. К таким сторонам Нэмир относит профессиональную принадлежность интересующих нас деятелей, их региональные, родственные, экономические и прочие связи, их возраст, конфессиональные убеждения, особенности воспитания и т. д. и т. п.

Спору нет, выяснение многих из этих связей и сплетений облекает историю в живую плоть, содействует более полному изучению различного рода политических

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 222.

группировок как внутри, так и вне парламента, выяснению мотивов политических маневров их лидеров.

Однако методика Нэмира, плодотворная в качестве вспомогательного исследовательского приема, утрачивает свое положительное зерно, когда в ней начинают усматривать не более и не менее как новую методологию, новую философию истории, стремясь противопоставить ее марксизму-ленинизму. Марксистский исторический метод сводят в таких случаях к вульгарному экономизму, который якобы легко уложить в схематизацию, упрощении мотивов человеческих поступков. Этому противопоставляется мозаика из фактов и фактиков по «методу Нэмира».

Нэмир и его приверженцы привносят в свои исследования множество любопытных деталей и поучительных примеров. Но вместо общественных классов, находящихся в борьбе между собой, в их трудах фигурируют такие лишенные научного содержания категории, как «региональная группа», «родственная группа», «возрастные группы» и т. д. и т. п. Не удивительно, что вся история превращается в цепь случайностей, теряет всякие признаки научно-познаваемого, т. е. закономерного процесса.

Своего рода кредо «нэмиризма» мы находим в очерках Тревор-Ропера. Он употребил много усилий на доказательства того, что тенденция, намеченная Тоуни, односторонняя и не исчерпывает собой всех явлений действительности, более того, что имел место и обратный процесс — упадок и оскудение дворянства. Но если даже допустить на минуту, что Тревор-Ропер прав, то и в этом случае вопрос о подлинном социальном облике индипендентского джентри еще не будет решен. Тревор-Ропер отмечает все большее «отдаление», все меньшую материальную зависимость этого слоя от королевского двора, но автор, к сожалению, полностью игнорирует экономическую деятельность джентри, на каждом шагу сталкивавшую «предприимчивого джентльмена» с «двором» (мы говорим о той части мелких сквайров, которая представлена фигурой Кромвеля).

Исходя из концепции Тревор-Ропера о решающем значении джентри в событиях 40-х годов XVII в., следовало ожидать с его стороны гораздо большего внимания к аграрной программе джентри, к вопросу об отмене рыцарского держания. Однако и это отсутствует в его очерках. Лишь несколькими словами Тревор-Ропер характеризует борьбу за отмену рыцарского держания при Якове I, подчеркивая, что «большой проект» не удался по вине знати, заинтересованной в сохранении феодальных платежей (что, несомненно, правильно), и лишь вскользь упоминая об акте 24 февраля 1646 г. Между тем лишь одного этого акта вполне достаточно для характеристики гражданских войн в Англии как буржуазной по своему содержанию революции.

Таким образом, Тревор-Ропер не придал значения аграрной программе восставшего джентри. Это не случайно, ибо анализ этой программы лишил бы автора возможности говорить о мятеже «отсталых провинциальных сквайров». Сам факт присвоения классами-союзниками права буржуазной собственности на земли, на которые им принадлежал лишь титул феодальной собственности, и в то же время их упорное нежелание признать такое же право за копигольдерами — основной массой английского крестьянства — являются убедительными свидетельствами надуманности всей концепции Тревор-Ропера.

Наконец, более чем странно выглядит, что вся английская буржуазия олицетворяется в глазах Тревор-Ропера лондонским Сити. Как будто, кроме Лондона, не было других центров мануфактуры и торговли, как будто предпринимательские слои этих центров оставались в стороне от борьбы с абсолютизмом. События 40-х годов окажутся по своему характеру буржуазной революцией, если даже считать их, как это угодно Тревору-Роперу, восстанием одного джентри. Тем более придется признать их таковыми, если не закрывать глаза на роль среднего класса и прежде всего мануфактурной буржуазии.

Отметим, что Тревор-Ропер, исследуя события 40-х годов, игнорирует народные массы; ни действия английского крестьянства, ни роль плебейства городов в революции не привлекли его внимания. Тревор-Ропер не может, по-видимому, примириться с наличием в одном и том же движении двух аграрных программ: буржуазно-дворянской и крестьянско-плебейской, и поэтому он вовсе не упоминает о второй.

По мнению Тревор-Ропера, в парламенте имелись две силы. Одна, составлявшая становой хребет палаты общин,— «простое, консервативное, никогда не покидавшее Авглию (untravelled) провинциальное джентри», испытывавшее лишь слабое возмущение двором Карла I Стюарта. Вторая — парламентский гений Джона Пима, сумевшего превратить дворянское возмущение в действенную политическую силу¹⁰.

Так читатель подводится к выводу, что, если бы Карлу удалось привлечь Пима на свою сторону и вообще сплотить придворную партию, революция в Англии никогда бы не имела места, ибо «отсталое джентри» не было способно на самостоятельную политическую акцию. Точно так же не было бы, по мнению Тревор-Ропера, революции, если бы Карл I не проявил столько вероломства и не оттолкнул от себя своей скаредностью значительную часть придворных. «Только тогда,— читаем мы,— когда король Карл проявил себя совершенно несговорчивым (!) (quite unadjustable), революция, хотя нежеланная, началась»¹¹.

Перед нами яркий образец исторического субъективизма в объяснении причин революции XVII в. Вместо исторической закономерности и объективной неизбежности — стечение случайных обстоятельств, вместо действий масс — интриги политиканов. Концепция Тревор-Ропера по сути дела отбрасывает нас в истолковании причин «великого мятежа» к давно оставленным даже буржуазной наукой идеям.

Рассмотрим теперь, какими идеями, по мнению Тревор-Ропера, вдохновлялись индепенденты начиная с 1645 г., когда они захватили инициативу в свои руки и вели революцию за те пределы, которые были приемлемы для ее инициаторов.

Некоторые определения Тревор-Ропера весьма метки. Так, например, с ним можно согласиться, когда он считает индепендентов монархистами. Они казнили короля из ненависти к Стюартам, а не из ненависти к монархии вообще. Они — приверженцы традиционной конституции с ее двухпалатной системой. Уничтожение верхней палаты в 1649 г. было для них мерой столь же вынужденной, как и казнь короля. Наконец, не свидетельствует ли о политическом кредо джентри факт предложения короны Оливеру Кромвелю в 1657 г. и учреждение палаты лордов при протекторе? Однако Тревор-Ропер совершенно не в состоянии объяснить ни причины «крайних действий» слишком далеко зашедших «дворянчиков» в 1649 г., ни их растущий консерватизм по мере приближения к системе протектората.

Начать с того, что Тревор-Ропер отрицает буржуазную сущность пуританизма единственно на том основании, что пуританизм с его проповедью «воздержания» был пригоден лишь для беднеющего с каждым днем джентри, протестовавшего всем своим бытом против безумных трат двора¹². Однако неизмеримо больше, нежели это соображение, о сущности пуританизма может свидетельствовать историческая карта, на которой нанесены районы наибольшего его распространения. Эти районы совпадают с экономически наиболее развитой частью Англии.

Конечно, этика пуританизма не могла привлекать «золотые мешки» Сити, желавшие вести «княжеский образ жизни». Однако не они составляли становой хребет пуританизма, а средняя и мелкая буржуазия — цеховые мастера и мелкие сквайры-предприниматели, крупные йомены и владельцы раздаточных контор, иначе говоря, все те слои, для которых «сбережение ради накопления» было своего рода экономическим императивом.

Тот факт, что восставшее джентри подняло знамя пуританизма, красноречивее всего опровергает истолкование, которое Тревор-Ропер дает направлению экономической эволюции этого класса. Индепендентство объединило новое дворянство и сред-

¹⁰ «Essays Presented to Sir Lewis Namier», p. 3.

¹¹ Ibid., p. 9.

¹² В другом случае Тревор-Ропер вообще не связывает оппозицию джентри с какой-либо определенной религиозной группировкой; джентльмены в одинаковой мере могли быть и пуританами и католиками — лишь бы противопоставить себя господствующей англиканской церкви. — H. R. Trevor-Roper. The Gentry 1540—1640, p. 32.

нию буржуазию на почве общности буржуазных интересов, а эти интересы нашли наилучшее выражение в доктрине кальвинизма.

Можно, конечно, допустить, что в Англии первой половины XVII в. находились дворянские политические деятели, для которых пуританизм был средством борьбы за цели, не имевшие ничего общего с буржуазными. Однако если Кромвель является типичным представителем восставшего джентри,— а с этим согласен и сам Тревор-Ропер,— то в истолковании Кромвеля пуританизм имел вполне определенное буржуазное содержание.

Остается только заметить, что истолкование кальвинизма как идеологии буржуазии принадлежит вовсе не Тоуни, как полагает Тревор-Ропер, а Ф. Энгельсу, который задолго до Тоуни видел в кальвинизме религию «самой смелой части тогдашней буржуазии»¹³.

Таким и было индепендентство. Нельзя, однако, забывать, что по своим социальным и политическим устремлениям оно не являлось чем-то статичным; в его рамках сформировались не только «уравнители», но и революционное сектантство. Индепендентом был не только Кромвель, но и Джон Лильберн, иначе говоря, индепендентство как религиозное течение гораздо шире, чем политическое. Здесь мы приближаемся к самому уязвимому месту всей концепции Тревора-Ропера. Что руководило действиями джентри-индепендентов в 1645—1658 гг., чем была обусловлена их крайняя революционность в 1649 г. и причины их консервативности в более поздние годы? Тревор-Ропер совершенно не в состоянии ответить на этот важнейший вопрос истории революции XVII в. и ему остается лишь оперировать чисто «психологическими» категориями. Он пипет, что индепенденты зашли в 1649 г. слишком далеко потому, что, подняв мятеж, они не могли уже своевременно остановиться, а к 1660 г. они отчаялись устроить управление страной в соответствии со своими идеалами.

Однако каждому, кто хотя бы мало-мальски знаком с политической борьбой в лагере парламента в 1647—1649 гг., ясно, что индепенденты останавливались не раз — сначала весной 1647 г., затем осенью 1647 г., что лишь угроза быть сметенными с пути революции народными низами заставляла их действовать, что всеми своими победами индепенденты были обязаны народным массам. Подлинная историческая роль индепендентов в событиях 40-х годов XVII в. измеряется прежде всего тем, в какой мере они способны были внимать голосу низов и поступать в соответствии с ним.

Когда же индепенденты из партии борющейся превратились в партию торжествующую, т. е. когда социально-охранительные функции новой власти полностью заменили собой революционные, индепенденты стали душителями революции. Эффективность Commonwealth 1649 г. объясняется именно тем, что политика пришедших к власти индепендентов резко сузила социальную базу республики, оттолкнув от нее народные низы, составлявшие ее оплот.

Неспособность разрешить в интересах крестьянства аграрный вопрос — отменить копигольд, превратив его в свободное держание на общем праве, — вынесла приговор республике задолго до ее падения. Потеряв опору в массах, индепенденты вынуждены были обратиться к средствам военной диктатуры, чтобы продлить свое господство перед лицом нарастающего самостоятельного движения этих масс, с одной стороны, и непрекращавшихся попыток реставрации режима Стюартов, с другой. Но военная диктатура неминуемо влекла за собой все те последствия — рост налогового бремени, постоянную армию, рост централизации, господство Лондона и т. д. и т. п., — против которых и сражались индепенденты в ходе революции.

Протекторат оказался в заколдованном кругу — в нем индепенденты видели оплот против всех происков как слева, так и справа и вместе с тем в нем усматривали для себя новое тяжелое иго. Со смертью Кромвеля реставрация оказалась неизбежной. Она была подготовлена узкой политикой классов-союзников (буржуазии и нового дворянства), вставших на путь реакции. Компромисс с традиционной монархией представлялся им единственно возможным средством, чтобы уберечь основные свои завоевания в революции.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 297.

В заключение остается отметить, что говорить о безрезультатности английской революции — значит уже в самом деле отпрянуть «назад — к Кларендону». Если бы от революции не осталось ничего больше, чем отмена рыцарского держания, то и тогда ее результат был бы значительным. Однако в действительности от нее осталось и нечто другое, а именно невозможность возврата к «беспарламентскому режиму». То, что произошло в 1689 г., было в действительности завоевано в 1649 г.

Концепция революции, изложенная в работах Х. Тревора-Ропера, не что иное, как новая попытка «опровергнуть» марксизм. Однако это попытка с явно негодными средствами.

